

ТАХИРА МАФИ

ТАХИРА МАФИ

**РАЗГАДАЙ
МЕНЯ**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М35

Серия «Разрушенный мир»

Tahereh Mafi
DESTROY ME
UNRAVEL ME

Перевод с английского С. Алукард
Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Writers House и Synopsis.

Мафи, Тахира.

М35 Разгадай меня : [сборник] / Тахира Мафи ; [перевод с английского С. Алукард]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Разрушенный мир).

ISBN 978-5-17-122073-0

Джюльетте — девушке, обладающей особым даром, — удалось вырваться из рук опасных и безжалостных людей, пытавшихся использовать ее как «идеальное оружие».

Ей повезло — она оказалась среди друзей, способных помочь ей, поддержать и понять природу ее необыкновенных способностей. Однако те, кто однажды уже пытался разрушить жизнь Джюльетты, по-прежнему идут по ее следу — и они сильны как никогда и готовы на все.

С каждой секундой времени все меньше. С каждой секундой приближается решительная битва, которая определит будущее Джюльетты...

Бонус! Читайте также «Уничтожь меня» — рассказ, написанный от лица Уорнера и являющийся связующим звеном между первым и вторым романами.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122073-0

© Tahereh Mafi, 2012, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

УНИЧТОЖЬ
МЕНЯ

Пролог

Меня ранили.

И, как выясняется, пулевое ранение — более неприятная штука, нежели я предполагал.

Моя кожа делается холодной и липкой, я прилагаю титанические усилия, чтобы дышать. Боль рвет на части правую руку, отчего мне очень трудно сосредоточиться. Мне приходится с силой зажмуривать глаза, стискивать зубы и заставлять себя не потерять сознание.

Творящийся вокруг хаос просто невыносим.

Несколько человек кричат, перебивая друг друга, и слишком много людей касаются меня, отчего хочется, чтобы им отрезали головы. Они беспрестанно выкрикивают слово «Сэр!», словно ждут от меня приказов и не знают, что делать дальше. Одно это отнимает у меня последние силы.

— Сэр, вы слышите меня? — раздается очередной возглас. Но на сей раз он не вызывает отвращения.

— Сэр, ответьте, вы слышите меня?..

— Меня ранили, Делалье, — выдавливаю я. Открываю глаза. Смотрю на него. — Но при этом я не оглох.

Шум сразу же стихает. Солдаты замолкают. Делалье встревоженно смотрит на меня.

— Проводите меня назад, — говорю я ему, чуть повернувшись. Окружающий меня мир опрокидывается, но тотчас становится на место. — Сообщите о происшествии медикам и распорядитесь, чтобы мне приготовили постель. А пока

что поднимите мою руку и сдавите рану. Пуля явно задела кость, так что потребуется операция.

Делалье молчит чуть дольше, чем положено по уставу.

— Рад видеть, что с вами все в порядке, сэр. — В его голосе сквозит нервная дрожь. — Хорошо, что с вами все в порядке.

— Вы слышали приказ, лейтенант?

— Конечно, — быстро отвечает он, опустив голову. — Так точно, сэр. Какие распоряжения отдать солдатам?

— Найти ее, — приказываю я. С каждым словом мне все труднее говорить. Я делаю неглубокий вдох и дрожащей рукой провожу по лбу. Пот градом льет с меня, и это мне совсем не нравится.

— Слушаюсь, сэр.

Он делает движение, чтобы помочь мне встать, но я хватаю его за руку:

— И вот еще что...

— Сэр?

— Кент, — говорю я неровным голосом. — Передайте приказ взять его живым. Для меня.

Делалье удивленно смотрит:

— Рядового Адама Кента?

— Да. — Я вглядываюсь в его зрачки. — Я хочу разобраться с ним лично.

Глава 1

Делалье стоит у моей кровати. В руках у него планшет с зажимом для бумаги.

Это мой второй посетитель за это утро. Первыми приходили медики, подтвердившие, что операция прошла успешно. Они сказали, что если я полежу эту неделю, то новые лекарства, которые они мне дали, ускорят процесс выздоровления, и я весьма скоро смогу вернуться в строй,

однако мне придется как минимум месяц носить руку на перевязи.

Я ответил, что это довольно занятная теория.

— Мои брюки, Делалье. — Я сажусь на кровати, стараюсь отогнать тошноту, вызванную новыми препаратами. Моя правая рука не действует и совершенно бесполезна.

Я поднимаю глаза. Делалье смотрит на меня немигающим взглядом. На шее у него подергивается кадык.

Я сдерживаю вздох.

— Ну, в чем дело? — Держусь рукой за матрас и заставляю себя выпрямиться. Это забирает остатки энергии, и я хватаюсь за раму кровати. Взмахом руки я останавливаю Делалье, пытающегося мне помочь, и закрываю глаза, чтобы совладать с болью и головокружением.

— Докладывайте, что случилось, — обращаюсь я к нему. — Не стоит замалчивать плохие новости.

Он сбивчиво отвечает:

— Рядовой Адам Кент сбежал, сэр.

За закрытыми веками появляется слепяще-белая вспышка.

Я делаю глубокий вдох и здоровой рукой пытаюсь провести по волосам. Они спутанные, сухие и покрыты какой-то коркой: должно быть, грязью пополам с запекшейся кровью. Мне так и хочется изо всей силы ударить кулаком по стене.

Вместо этого я стараюсь взять себя в руки.

Я вдруг почти физически ощущаю все происходящее вокруг: запахи, шум и доносящиеся из-за двери шаги. Мне противны штаны из грубой холстины, которые на меня надели. Мне противно, что я без носков. Я хочу принять душ. Я хочу переодеться.

Я хочу всадить пулю в позвоночник Адаму Кенту.

— Зацепки есть? — спрашиваю я приказным тоном. Ядвигаюсь в сторону ванной и вздрагиваю от дуновения прохладного воздуха: я без рубашки. Стараясь сохранять спокойствие, продолжаю: — Вы же не могли явиться ко мне с подобной информацией, если бы не было зацепок.

Мой разум представляет собой склад тщательно организованных эмоций. Я почти что вижу, как функционирует мой мозг, раскладывая по полочкам мысли и образы. Я запираю в дальние тайники все, что не может служить мне. Я концентрируюсь только на том, что необходимо сделать: базовые элементы выживания и множество дел, которые я должен успеть за день.

— Разумеется, — отвечает Делалье. Звучащий в его голосе страх немного раздражает меня, но я стараюсь не обращать на него внимания. — Да, сэр, — продолжает он, — мы почти уверены, что знаем, куда он направился, и у нас есть основания полагать, что рядовой Кент и... и девушка... э-э... и рядовой Кисимото, также сбежавший... У нас есть основания полагать, что они вместе и действуют заодно, сэр.

Ящички в моем мозгу с треском открываются. Воспоминания. Теории. Шепот и ощущения.

Я резко отбрасываю их.

— Ну конечно же. — Я качаю головой и тут же жалею об этом. Закрыв глаза, пытаюсь справиться с нахлынувшей дурнотой.

— Не говорите мне того, о чем я сам уже догадался, — выдавливаю я. — Мне нужно что-то конкретное. Дайте мне хорошую зацепку, лейтенант, или же найдите ее, а потом докладывайте.

— Машина, сэр, — быстро говорит он. — Поступило заявление об угоне машины, и нам удалось выследить ее, но вскоре она исчезла с карты. Как будто перестала существовать, сэр.

Я поднимаю на него взгляд. Я весь внимание.

— Мы прошли по всему маршруту, следуя показаниям радара, — продолжает Делалье, немного успокоившись, — и оказались в пустынной, безлюдной местности. Мы прочесали все вокруг, но ничего не нашли.

— Это уже кое-что, — отвечаю я, потирая шею и пытаюсь справиться с одолевающей меня слабостью. — Жду вас в зале «Л» через час.

— Но, сэр, — произносит он, не переставая смотреть на мою руку, — вам понадобится помощь... процесс выздоровления... вам нужен уход...

- Можете идти.
- Пару секунд он колеблется, затем говорит:
- Слушаюсь, сэр.

Глава 2

Мне удастся помыться, не потеряв сознания.

Это скорее обтирание губкой, и все же я чувствую себя гораздо лучше. У меня чрезвычайно низкий порог чувствительности к беспорядку, который оскорбляет само мое существо. Я регулярно принимаю душ. Ем шесть раз в день. Ежедневно я отвожу два часа для тренировок и физических упражнений. И я ненавижу ходить босиком.

Сейчас я стою в своей гардеробной — голый, голодный, уставший. И босиком. Это очень далеко от идеала.

Мой шкаф разделен на несколько секций. Рубашки, галстуки, брюки, блейзеры и ботинки. Носки, перчатки, шарфы и кители. Все рассортировано по цветам, затем по оттенкам каждого цвета. Каждый предмет одежды тщательно подобран и сшит на заказ в точности по моему размеру. Я чувствую себя не в своей тарелке, пока не одет с ног до головы, — это часть моего «я», и именно так я начинаю свой день.

Я не имею ни малейшего понятия, как мне одеться самому, без посторонней помощи.

У меня дрожит рука, когда я тянусь к небольшой синей бутылочке, которую мне дали утром. Я кладу две квадратные таблетки на язык и жду, пока они рассосутся. Не могу сказать, как именно они действуют, я только знаю, что они помогают восстановить кровопотерю. Так что я прислоняюсь к стене, пока голова не становится ясной и я могу уверенно стоять на ногах.

Сначала я надеваю носки. Эта простая процедура требует больше усилий, нежели убить человека. В какой-то момент мне становится интересно, что врачи сделали с моей одеж-

дой. «С одеждой, — говорю я себе. — Только с одеждой». Я сосредоточен только на одежде, в которой был в тот день. И ничего больше. Никаких деталей.

Ботинки. Носки. Брюки. Пуловер. Мой китель со множеством пуговиц.

Со множеством пуговиц, которые она рывком расстегнула.

Крошечное воспоминание, но его достаточно, чтобы вызвать острую боль.

Я стараюсь отбросить его, однако оно не уходит, и чем больше я стараюсь от него избавиться, тем быстрее оно превращается в чудовище, с которым я уже не в силах совладать. Я даже не отдаю себе отчета в том, что в изнеможении прислонился к стене, пока не начинаю ощущать расплзающийся по всему телу озноб. Я тяжело дышу, зажмурив глаза, пытаюсь избавиться от внезапно охватившего меня чувства унижения и стыда.

Я знал, что она испытывала сильный страх, даже ужас, но никогда не думал, что эти ее чувства относятся ко мне. Я видел, как она оттаивала в то время, когда мы виделись. Шли недели, и казалось, будто она чувствовала себя комфортнее. Счастливее. Раскованнее. Я позволил себе увериться, что она видела некое будущее для нас обоих, хотела быть рядом со мной и просто считала, что это невозможно.

Я и не подозревал, что ее новообретенное счастье имеет отношение к Кенту.

Я провожу здоровой рукой по лицу и зажимаю ладонью рот. Вспоминаю то, что говорил ей.

Едва заметный вздох.

Как я касался ее.

У меня сжимаются челюсти.

Если бы это было просто некое сексуальное влечение — уверен, я бы не страдал от столь невыносимого унижения. Но я желал гораздо большего, нежели просто ее тела.

В тот же миг я буквально умоляю свой разум вообразить стены и ничего больше. Стены. Белые стены. Бетонные блоки. Пустые комнаты. Открытое пространство.

Я мысленно возвожу стены, пока они не начинают рушиться, и усилием воли заставляю выситься все новые и новые преграды. Я продолжаю строить их, оставаясь неподвижным, пока мой разум не становится чистым и незамутненным. В нем остается лишь маленькая белая комната с одиноким источником света в потолке.

Свет этот чистый. Нетронутый. Спокойный.

Мысленным движением я останавливаю беду, рвущуюся в крохотный мир, построенный мной, проглатываю страх, пытающийся схватить меня за глотку. Я раздвигаю стены, делая комнату просторнее, пока не начинаю дышать. Пока не понимаю, что смогу встать.

Иногда мне хочется на время покинуть свою оболочку, свое усталое израненное тело, но слишком много цепей и слишком тяжело бремя. Единственное, что мне остается, — жить именно этой жизнью. И я уверен, что сегодня не смогу заставить себя посмотреть в зеркало.

Меня вдруг охватывает отвращение к самому себе. Мне надо как можно быстрее выбраться из этой комнаты, иначе мои мысли ополчатся на меня. Я торопливо принимаю решение и впервые почти не обращаю внимания, как и во что одет. Я натягиваю чистые брюки, но рубашку решаю не надевать. Просовываю здоровую руку в рукав блейзера, а правую половину пиджака набрасываю поверх перевязи с раненой рукой. В таком виде я выгляжу по меньшей мере смешно, но откладываю решение этого вопроса до завтра.

Прежде всего мне надо выбраться из этой комнаты.

Глава 3

Делалье здесь единственный человек, не испытывающий ко мне чувства ненависти.

Общаясь со мной, он в большинстве случаев объят страхом, однако он никак не проявляет интереса к тому, чтобы за-

нять мое место. Я это чувствую, хотя и не совсем понимаю. Похоже, в этом здании только он рад тому, что я не погиб.

Небрежным жестом я останавливаю солдат, ринувшихся мне на помощь, когда я открываю дверь. Мне стоит огромных трудов взять себя в руки и унять дрожь в пальцах, когда я смахиваю со лба бисеринки пота, но я не могу позволить себе даже секундного проявления слабости. Им нет дела до моего самочувствия, они лишь хотят поближе посмотреть на зрелище, которое я собой представляю. Они жаждут увидеть первые трещины в моем рассудке. Но я не желаю, чтобы на меня тарашились.

Моя работа — руководить ими.

Меня ранили, но это не смертельно. У меня масса дел, и я с ними справлюсь.

Рана скоро забудется.

Ее имя никогда больше не прозвучит.

Сжимая и разжимая кулаки, я иду в сторону зала «Л». Раньше я никогда не задумывался о том, какие длинные здесь коридоры и как в них много солдат. И негде спрятаться от их любопытных взглядов, в которых сквозит досада, что я не погиб. Мне даже не надо смотреть на них, чтобы узнать, о чем они думают. Но осознание того, что у каждого из них на уме, лишь придает мне решительности в стремлении прожить очень долгую жизнь.

Я не доставлю им удовольствия увидеть меня мертвым.

— Нет-нет.

В четвертый раз я взмахиваю рукой, отказываясь от чая и кофе.

— Я не употребляю кофеин, Делалье. Почему вы всегда настаиваете, чтобы мне его подавали?

— Полагаю, я всегда надеюсь, что вы передумаете, сэр.

Я поднимаю на него взгляд. Делалье улыбается странной, какой-то дрожащей улыбкой. Я не совсем уверен, но мне кажется, что он так пошутил.

— Почему же? — Я тянусь за кусочком хлеба. — Я вполне могу оставаться бодрым. Только идиот полагается на энергию, заключенную в бобах или листьях, чтобы не заснуть средь бела дня.

Делалье уже не улыбается.

— Да, — говорит он. — Разумеется, сэр.

Он склоняется над тарелкой. Я вижу, как его пальцы отодвигают чашку с кофе.

Я роняю хлеб на блюдо.

— Вы не должны, — обращаюсь я к нему, на сей раз спокойным тоном, — так быстро соглашаться с моим мнением. Защищайте свою точку зрения. Формулируйте четкие и логичные доводы. Даже если я возражаю.

— Конечно, сэр, — шепчет он. Несколько секунд молчит. Но потом я замечаю, как он снова тянется за кофе.

Делалье.

Он, пожалуй, единственный, с кем можно поговорить.

Изначально он был отправлен в этот сектор моим отцом, и с тех пор ему приказано оставаться здесь до истечения срока службы. И хотя он старше меня почти на сорок пять лет, он настаивает на том, чтобы быть у меня в подчинении. Его лицо мне знакомо с детства, он очень часто появлялся у нас дома, участвуя в многочисленных совещаниях задолго до того, как Оздоровление пришло к власти.

В нашем доме эти совещания шли бесконечной чередой.

Мой отец все время что-то планировал, проводил обсуждения и какие-то тайные переговоры, к которым меня не допускали. Участники этих совещаний сейчас правят миром, и, когда я смотрю на Делалье, я всякий раз удивляюсь, почему он никогда не стремился к командным высотам. С самого начала он был частью этого режима, однако создается впечатление, что он будет довольствоваться своим теперешним положением до самой смерти. Он предпочитает оставаться в тени даже тогда, когда я даю ему возможность высказаться; он отказывается от повышений, даже если я предлагаю ему куда большее жалованье. И в то время как я ценю его верность, его преданность действует мне на нервы. Кажется, он не хочет расставаться со своим нынешним положением.

Мне не следовало бы ему доверять.

И все же я ему верю.

Но я начинаю терять рассудок из-за того, что мне не с кем поговорить на равных. В отношениях с солдатами я дол-